

прик и газ. Труд

Уральская театральная осень 1890 года обещала стать бурной: весь Екатеринбург говорил о прибывшей в город труппе и ее первой актрисе Марии Абрамовой. Еще недавно у этой 25-летней женщины был собственный театр, и не где-нибудь, а в Москве, но, увы, прогорел.

Беда, как известно, не приходит одна: именно в это время у Абрамовой умирает мать, и молодая женщина, на руках у которой оказалась пятилетняя сестренка (будущая, кстати сказать, жена Куприна), вынуждена была подписать контракт и отправиться на Урал уже не как владелица театра, а в качестве драматической актрисы, исполнительницы многих известных ролей. «Прекрасная Медведь, Далила, Василиса Мелентьева, Катерина, она производила сильное впечатление на публику», — писал в своих воспоминаниях племянник Мамин-Сибиряк и один из первых его биографов.

Но при чем тут, спросите вы, Мамин-Сибиряк? Какое отношение имеет он к загорнувшейся в уральский город столичной знаменитости?

Самое непосредственное. Прежде всего он тоже был знаменитостью: имя его знали далеко за пределами Екатеринбурга. Во всяком случае, Марии Абрамовой оно было хорошо известно: едва ступив на уральскую землю, она выказала желание лицезреть писателя.

«Я говорила в первый день приезда, что хотелось бы познакомиться, — ему передали, и вот он нанес мне визит — и очень понравился, такой симпатичный, простой».

Автору прогремевших на всю Россию «Приваловских миллионов» подкатывало к сороку. В столице, как в старую, так и в новую, не рвался, на Урале жил, среди своих героев, и жил не скучая. В Екатеринбурге вокруг него организовался кружок, но не тайный, не революционный, какие тогда нарождались по всей России как грибы после дождя, а кружок совершенно особенный, единственный в своем роде. Именовался он «Обществом взаимных льстецов» и имел даже свой, написанный Дмитрием Наркисовичем, «Устав», первый параграф которого гласил:

«Признавая, что мир, тишина и спокойствие есть идеальная форма общежития, нижеподписавшиеся решили основать общество взаимных льстецов для взаимного восхваления. История показывает, что все существующие до сих пор общества в мире носят в себе зародыш вражды, зависти, неудовольствия».

На заседаниях «Общества» не только льстили, но и обсуждали новинки, музицировали, читали стихи, в том числе и в авторском исполнении хозяина дома. Сохранилась фотография, на которой Мамин-Сибиряк запечатлен именно за этим занятием, а рядом за фисгармонией — уже не первой молодости дама, с высоким открытым лбом, сосредоточенная, в темном глухом платье с белым воротничком. Это — Мария Якимовна Алексеева, женщина, сыгравшая в жизни писателя огромную роль.

Познакомились они весной 1877 года в уральском заводском поселке Нижняя Салда. Она была женой уважаемого человека, инженера, матерью троих детей, а он... Он — недоучившимся студентом, тщетно искавшим на заводе место хотя бы конторщика, худым, кашляющим (по некоторым сведениям, у Мамин-Сибиряка в это время начинался туберкулез), мечтающим о писательском поприще. Никто, разумеется, в его литературное будущее не верил, да и сам он не проявлял на этот счет особого оптимизма. «Нерешительный и постоянно сомневающийся в своих силах, — пишет одна близкая знавшая его екатеринбургская журналистка, — он нуждался в поддержке и одобрении».

Такую как раз поддержку и такое одобрение нашел он у Марии Якимовны. Блестяще образованная, знающая языки, красивая, обеспеченная, она бросает все — мужа, детей, дом с прислугой и уезжает с больным 25-летним шел-

копером в Екатеринбург. Здесь она подрабатывает уроками, ведет хозяйство, а главное — выпестивает писателя. Именно Марии Якимовне читает он каждую написанную им страницу. Именно она редактирует все, что выходит из-под его пера, и, проявляя железный характер, заставляет переделывать то пейзаж, то диалог, то... его собственное жизнеописание, которое вдруг затребовала редакция столичного журнала и «которое Мария Якимовна уничтожала два раза и нашла сносным только в третьей раз», — как не без гордости признавался Мамин-Сибиряк в одном из писем.

Вообще о Марии Якимовне он говорит в письмах с неизменным уважением, восхищением, благодарностью. И не только в письмах... Современники единодушны в том, что об этой женщине он до конца жизни отзывался в самых превосходных степенях. Даже когда, захваченный новым чувством, ушел от нее. Ушел к прибывшей на гастроли московской актрисе.

«Первое впечатление от Марии Морицовой, — делится он с другом в подробном и откровенном послании, — получилось совсем не то, к какому я был подготовлен. Она мне не показалась красивой, а затем в ней не было ничего такого,

До открытия сезона оставались считанные дни. Шли последние репетиции, на которых «свои» артисты притирались к «чужим» — последние местная пресса расхваливала особенно рьяно. И вот долгожданный вечер настал.

«Я шел в театр с некоторым предубеждением, — признавался Мамин-Сибиряк, хорошо знавший цену газетным заметкам: сам, будучи студентом, писал их для заработка. — В первом же действии... все сомнения рассеялись. На сцене Мария Морицовна была замечательной красавицей. Это была, действительно, красота поражающая, колоритная, эффектная... Каждое движение, каждый жест, взгляд — была красота уверенная, спокойная, полная

Любовь-кудесница — она все! Писатель, утверждают мемуаристы, даже внешне изменился. Он явно помолодел.

«Когда на сцене появлялась Абрамова, он весь превращался в слух

гих, однако поделаться с собой ничего не мог.

Единственный человек, не позволивший себе ни одного худого слова о Дмитрии Наркисовиче, была сама Мария Якимовна. Она пережила его на добрый десяток лет и, как напишет потом ее близкая подруга, до конца жизни боготворила Мамин-Сибиряка, имя которого «не сходило с ее уст».

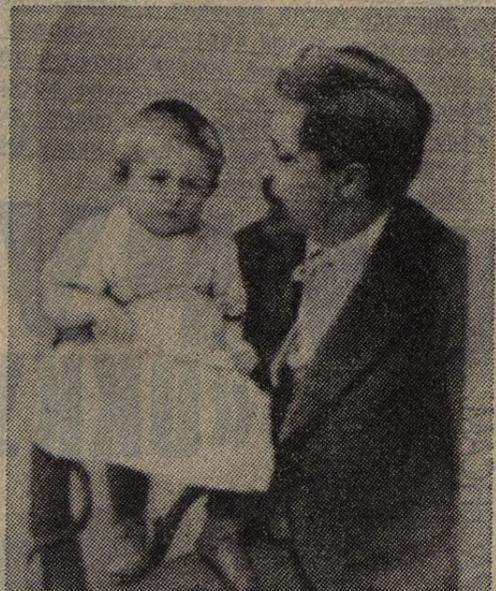
Сам Мамин в первых числах марта 1891 года бежал в Петербург — вместе, разумеется, с Абрамовой, и там они, по выражению одного мемуариста, свили «свое уютное гнездышко на Миллионной улице, где чувствовалось столько задушевного тепла и где взор с любовью останавливался на этой красивой парочке из литературно-художественного мира, перед которой, казалось, разрывалась такая широкая, светлая жизненная дорога».

Увы, это только казалось. «Широкая, светлая» дорога оборвалась ровно через год. 21 марта Мария Морицовна родила девочку, но отец, так долго мечтавший об этой минуте — наконец-то и он станет отцом! — не только не чувствовал себя счастливым, а летел в бездну отчаяния.

«Лиза, плачь: Маруся умирает, — писал он сестре. — Случилось это совершенно вдруг: болезнь, какое-то воспаление... О, плачьте, мои дорогие, я все слезы выплакал за эти два роковых дня... Когда вы получите это письмо, Маруси уже не будет на свете».

Так оно и случилось. Сила горя, обрушившегося на писателя, не уступала силе счастья, в котором он еще совсем недавно столь безмятежно купался. И горе это припустилось не скоро.

«Вот уже скоро сто дней, как она

Д.Н. Мамин-Сибиряк с дочерью Аленушкой.

ПОБЕГ

Мария Морицовна Абрамова.

Мамин-Сибиряк совершил его не один. С женщиной

самой собой. И все гармонировало одно с другим».

Красота, красота... Бесстрастный театральный эксперт не изъясняется так — так изъясняется влюбленный мужчина.

Надо ли говорить, что Мамин не пропускал ни одного спектакля с ее участием? «Это был человек среднего роста, с темными волосами, черными печальными, как бы усталыми глазами, с небольшими усами и бородкой, с насмешливо очерченным ртом и желчной речью. Недовольство собой и жизнью сквозило в его речи».

Таким видели его люди до появления Абрамовой. Во всяком случае, именно таким запомнил «Екатеринбургской недели» Надежде Васильевне Остроумовой. А поскольку в театре она была практически каждый день и ее кресло находилось рядом с креслом Мамин-Сибиряка, да и в антрактах они предпочитали оставаться на своих местах, то она стала невольной свидетельницей волшебной метаморфозы.

«На моих глазах происходило перерождение Мамин-Сибиряка... Куда девался его желчно-насмешливый вид, печальное выражение глаз и манера цедить сквозь зубы слова, когда он хотел выразить свое пренебрежение к собеседнику? Глаза блестящие, отражая полноту внутренней жизни, рот приветливо улыбался».

и зрение, не замечая ничего окружающего. В сильных местах роли Абрамова обращалась к нему. Глаза их встречались, и Мамин как-то подавался вперед, загораясь внутренним огнем, и даже румянец выступал на его лице».

Бывать за кулисами во время антрактов ему категорически запрещалось — потому-то и оставался на своем месте, — но после спектакля терпеливо, как дисциплинированный школьник, дожидаясь ее у входа. Дождь ли, холодный ветер (а холода на Урале наступают рано) — поста своего не покидал. Это с его-то слабыми легкими! Галантно домой провожал.

Ну а что же старая верная подруга Мария Якимовна? Формально они не состояли в браке, но фактически эта женщина уже много лет была женой Мамин-Сибиряка — и в его глазах, и в своих собственных, и уж, конечно, в глазах окружающих. «Мария Якимовна, — вспоминала много лет спустя одна из ее учениц, — стала приходить на уроки расстроенная, отвечала невпопад, не слышала, что я ей говорила, часто пропускала уроки. Временами мне страшно становилось смотреть на нее, она производила впечатление ненормального человека. Оказалось, что в это время началось увлечение Дмитрием Наркисовичем М.М.Абрамовой».

Ну если даже для ребенка «увлечение» это не составляло секрета, то что же о взрослых толковать! Уральская театральная осень 1890 года обещала стать бурной и стала таковой. Город бурлил. Все кругом только и говорили о дурном поведении писателя, о том, что ради «актерки» он бросил такую женщину! Авторитет Марии Якимовны был — и остался до конца — чрезвычайно высок. Заслуженный авторитет, уж Дмитрий-то Наркисович, стольким объявленным ей, знал это лучше дру-

в могиле, а я хожу как тень и не могу прийти в себя. Есть чувства и положения, которые в нашей жизни проводят мертвую границу — я переступил именно через такую границу, и мои мысли и чувства в прошлом, в недолгом счастливом прошлом. Счастье пронеслось весенней грозой, и я боюсь думать о будущем».

Друзья не оставляли Мамин-Сибиряка. По словам одного из них, гостиная и кабинет писателя «представляли из себя маленький музей, посвященный памяти покойной Маруси. Повсюду висели, стояли и лежали ее портреты — от громадного, в чело-веческий рост, до миниатюрного».

Был еще один «портрет», живой. Рассказывая в письмах к матери о своем горе — «черном горе» — о слезах своих и своем одиночестве, Дмитрий Наркисович прибавляет: «Но есть и жизнь, моя родная старушка, такая маленькая слабая жизнь, которая едва тлеет... Все знакомые находят, что девочка очень похожа на мать, и это меня больше всего радует. Буду жить для этого маленького существа, буду работать для него и буду им счастлив».

Маленькое существо звали Аленушкой. На сон грядущий отец рассказывал ей сказки, которые записал впоследствии и назвал ее именем. Какое уж поколение детей зачитывается ими!

Автор знал, что будет именно так. «Это моя любимая книжка — ее писала сама любовь, и поэтому она переживет все остальное».

Кто — она? Дмитрий Наркисович имел в виду, конечно, книжку знаменитые «Аленушкины сказки», но фраза выстроилась таким образом, что утверждение «она переживет все» формально относится к слову «любовь».

А может быть, не только формально?

Руслан КИРЕЕВ.